

ПОСЛЕ *англодисментов*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ульяна Мазур

После аплодисментов

<https://litres.ru/73847823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Днем Джулия — блестящий ивент-менеджер, организующая приемы для элиты. Ночью — жестокая серийная убийца по прозвищу «Кошка». Уставший детектив Джером идет по ее следу, но случайно встречает женщину, к которой его непреодолимо тянет. Он не догадывается, что его новая возлюбленная и есть цель его расследования. И когда маски будут сброшены, Джерому придется сделать невозможный выбор между полицейским долгом и страстью к чудовищу. Ведь после аплодисментов всегда наступает тишина.

Обложка сгенерирована в нейросети.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Джулия	7
Глава 2. Джером	17
Глава 3. Джулия	26
Глава 4. Джулия	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ульяна Мазур

После аплодисментов

Пролог

Я всегда говорю своим клиентам, что залог идеального мероприятия — это абсолютный контроль над деталями. Освещение. Температура подаваемого шампанского. Расстояние между столовыми приборами. Хаос недопустим.

Грязь — тем более.

Мужчина, сидящий в кресле из тяжелой бордовой кожи, грязный. Хотя внешне по нему этого никто бы не сказал. Костюм от Brioni, часы Patek Philippe, идеальная укладка. Сенатор Ричард Вэйн привык блистать под вспышками камер, очаровывая толпу.

Но сейчас он не может даже моргнуть.

Я плавно опускаюсь на подлокотник его кресла и осторожно, почти нежно, поправляю сбившийся шелковый галстук на его шее. Миорелаксант, который я добавила в его бокал пятнадцать минут назад, работает безупречно. Он парализует мышцы, оставляя сознание кристально ясным.

Вэйн смотрит на меня. В его расширенных зрачках плещется липкий, животный ужас. Тот самый ужас, который он заставляет испытывать тех девочек из эскорта, чьи крики ни-

когда не покидали стен его загородного дома.

— Тишш, — я ласково провожу подушечкой пальца по его влажному от пота лбу, убирая седую прядь. — Не нужно так волноваться, Ричард. Твой пульс и так слишком быстро падает.

В панорамных окнах его пентхауса отражаются ночные огни города. Где-то там, внизу, продолжается мой благотворительный вечер. Игрет джаз, звенят бокалы, люди улыбаются друг другу фальшивыми улыбками. Я должна спуститься к ним через десять минут, чтобы проконтролировать подачу десерта. Время поджимало.

Моя рука скользит в карман черного вечернего платья. Пальцы привычно смыкаются на холодной стали.

— Ты любил оставлять шрамы на других, Ричард, — тихо произношу я, склонившись к самому его уху. Мой парфюм смешивается с запахом его страха. — Но ты был слишком неаккуратен. Я покажу тебе, как выглядит настоящий порядок.

Я оттягиваю воротник его безупречно белой рубашки, обнажая ключицу. Сердце сенатора делает последний, судорожный удар о ребра и останавливается. Препарат завершает свою работу. Никакой боли. Слишком милосердно для него, но у меня плотный график.

Щелчок. Лезвие хирургического скальпеля блестит в полумраке.

Я делаю выдох и с ювелирной точностью провожу по еще

теплой коже. Раз. Два. Три.

Три тонкие, идеально параллельные красные линии. Моя подпись. Мой личный вклад в чистоту этого города.

Изящным движением я вытираю скальпель о салфетку, прячу его и достаю из сумочки плотную черную флешку. На ней — все видеозаписи из его подвала. Я аккуратно вкладываю её в нагрудный карман сенатора, прямо поверх шелкового платка-паше. Теперь полиция найдет не просто труп. Она найдет ответы.

Я отхожу на шаг, критически осматривая композицию. Вэйн сидит ровно, его пиджак застегнут, руки спокойно покоились на подлокотниках. Идеальный покой.

Бросив последний взгляд на свое отражение в темном стекле — ни выбившегося волоска, ни пятнышка крови на платье, — я направляюсь к дверям. Внизу меня ждут гости.

Люди так отчаянно ищут монстров в темноте улиц, забывая, что самые страшные из них стоят рядом с ними в освещенных залах, улыбаясь в ответ на тосты. Но я знаю их всех в лицо.

И я знаю главное: как бы громко тебе ни хлопали при жизни, после аплодисментов всегда наступает тишина.

Глава 1. Джулия

«Хаос — это просто порядок, которым управляет кто-то другой»

Кабина скоростного лифта плавно уносит меня прочь от абсолютной тишины пентхауса. Вектор движения строго вниз, возвращение с холодного Олимпа к смертным.

Адреналин, еще пару минут назад кипевший в крови, медленно оседает, оставляя после себя приятную, тягучую легкость. Я делаю глубокий вдох, считая до четырех, задерживаю дыхание и медленно выдыхаю.

В зеркальных дверях лифта отражается девушка. Идеальная осанка, открытая спина, черная ткань платья, струящаяся по изгибам тела, словно вторая кожа. Я поправляю гранатовую прядь, выбившуюся из прически, и касаюсь кончиками пальцев черной кружевной маски на лице. Ни капли пота. Ни следа дрожи.

Я растягиваю губы в мягкой, профессиональной улыбке. Репетиция окончена. Пора на сцену.

Двери бесшумно разъезжаются, и меня мгновенно обволакивает гул голосов, звон хрусталя и обволакивающий ритм живого джаза. Бальный зал сияет. Теплый свет тысяч мелких гирлянд, которые я лично заставила декораторов перевешивать трижды, отражается в бокалах с шампанским.

Люди думают, что хаос это нечто неуправляемое. Глупцы. Хаос — это просто порядок, которым управляет кто-то другой. И сегодня этот кто-то — я.

Я делаю шаг в толпу, и магия начинает работать. Я киваю жене посла, едва заметным жестом отправляю официанта с подносом к скучающей группе инвесторов у дальней стены, поправляю идеально ровную стопку салфеток на фуршетном столе, проходя мимо. Я сканирую зал, считывая малейшие колебания настроения толпы.

— Гости начинают спрашивать про Вэйна, — раздается тихий голос прямо над моим ухом.

Я не вздрагиваю. Элика всегда появляется бесшумно. Она стоит рядом, сжимая в руках рабочий планшет. На ней строгий брючный костюм, а её глаза... В её глазах всегда плещется застарелая, выжженная пустота. После того, через что она прошла, Элика так и не научилась расслабляться в толпе. Мы с ней словно два призрака на этом празднике жизни, только она прячется от монстров, а я на них охочусь.

— Сенатор просил не беспокоить его около получаса, — ровным тоном отвечаю я, поворачиваясь к ней с легкой улыбкой. — У него важный звонок инвесторам.

Элика прищуривается. Её взгляд скользит по моему лицу, задерживаясь на глазах, скрытых за кружевном маски. У сло-манных людей чертовски хорошая интуиция на чужую тьму.

— У тебя зрачки расширены, Джулия, — тихо замечает она. — И ты дышишь так, словно только что пробежала ма-

рафон. Всё нормально?

— Идеально, — я мягко касаюсь её предплечья. — Просто устала. Скажи сомелье, чтобы готовили вторую партию «Дом Периньон». Пора повышать градус.

Элика еще секунду сканирует мое лицо, затем коротко кивает и растворяется в толпе. Я провожаю её взглядом, чувствуя укол холодного азарта. Нужно быть осторожнее.

Музыка берет новый аккорд. К микрофону выходит ведущий, готовясь объявить долгожданную речь спонсора вечера — сенатора Ричарда Вэйна. Гости замолкают, обращая взгляды к сцене.

Краем глаза я замечаю движение. Начальник охраны, обычно непоколебимый, как гранитная скала, пробирается сквозь толпу ко мне. Его лицо цвета пепла. Он сглатывает, не обращая внимания на недовольные взгляды гостей, которых он задевает плечами.

Я делаю шаг ему навстречу, изображая легкое беспокойство.

— Мисс Грант... — он тяжело дышит, склоняясь к самому моему уху. От него несет паникой. — Пентхаус. Сенатор Вэйн... Господи. Вызовите полицию. Перекройте выходы. Он мертв.

Мой выход.

Я прижимаю руку в черной перчатке к губам. Мои глаза расширяются от неподдельного, идеально сыгранного ужаса. Я делаю резкий вдох, словно у меня из-под ног выбили зем-

лю, и даже позволяю себе слегка покачнуться, чтобы охранник рефлексивно поддержал меня за локоть.

— Что значит... мертв? — шепчу я дрожащим голосом. А затем, мгновенно собираясь, включаю режим кризис-менеджера: — Заблокируйте лифты. Никто не должен входить в зал и выходить из него. Я сейчас же вызову полицию. Музыку не выключать, мы не должны спровоцировать панику в толпе. Выполнять!

Охранник кивает и бросается к рации.

Я отступаю в тень панорамного окна, подальше от любопытных глаз. В зале всё ещё царит идеальная иллюзия праздника. Люди смеются, пьют вино и ждут своего кумира, не зная, что кумир уже остывает этажами выше.

Я опускаю взгляд вниз, на улицы спящего города. Там, вдалеке, разрезая ночную темноту, уже начинают вспыхивать красно-синие проблесковые маячки. Полиция. Они едут за ответами, которые я им любезно оставила.

Я беру с проплывающего мимо подноса бокал ледяного шампанского. Подношу хрусталь к губам и, пока никто не видит, позволяю себе маленькую, абсолютно искреннюю улыбку.

Шоу только начинается.

Допросы длятся почти три часа. Полиция суетится, мигалки окрашивают стены лобби в тревожные цвета, детективы с усталыми лицами задают мне одни и те же вопросы. Я

отыгрываю роль идеально. Само воплощение шокированно-го профессионализма: прерывистое дыхание, бледное лицо, стакан воды, который я держу двумя руками, чтобы скрыть искусственную «дрожь».

Когда меня наконец отпускают, ссылаясь на то, что я находилась в зале на виду у сотни гостей и у меня железное алиби, на улице уже глубокая ночь.

Моя квартира встречает меня идеальной, исцеляющей тишиной.

Я снимаю туфли, аккуратно вешаю черное платье в чехол, чтобы завтра отправить его в химчистку. Иду в ванную и тщательно смываю с лица макияж. Вода уносит в водосток остатки чужих взглядов, фальшивых улыбок и блестящего хаоса. Теперь я — просто я.

На кухне я достаю свечу ручной работы. Чиркаю спичкой, и густой древесно-цитрусовый аромат медленно заполняет пространство, вытесняя любые воспоминания о запахе чужого липкого пота в пентхаусе. Это мой ритуал возвращения к себе. Порядок восстановлен.

Я переодеваюсь в мягкую, объемную пижаму, завариваю себе чашку ромашкового чая и падаю на диван. В этот момент оживает экран телефона.

Звонит моя лучшая подруга. Та самая, с которой мы обожаем делать забавные фото, пить ром и обсуждать всякую чушь, пока мир катится в бездну.

— Привет, мелкий бес, — бодро щебечет она, как только я

принимаю вызов. — Я видела новости в ленте про ваш отель! Там что-то случилось? Оцепили всё здание. Ты в порядке?

Я делаю глоток горячего чая. Мой голос звучит мягко, немного сонно и абсолютно искренне:

— Привет. Да, всё нормально, я уже дома. Представляешь, один из спонсоров умер в пентхаусе. Скорее всего, сердечный приступ, но полиция перевернула всё вверх дном, допрашивали персонал. Я безумно устала.

— Ужас какой! Вечно на твоих сменах какой-то дурдом, — сочувственно вздыхает она. — Бедная моя. Слушай, я ненадолго, просто хотела убедиться, что ты жива-здорова. И спросить: мы всё еще в силе на выходные?

— Конечно, в силе, — я легко улыбаюсь, устраиваясь поудобнее на мягких подушках. — Приезжай ко мне в субботу. Закажем пиццу, будем рисовать, обсудим всё.

— Договорились! Ладно, отдыхай, моя героическая женщина. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи.

Я откладываю телефон на столик. Никакого учащенного сердцебиения. Никаких мук совести или паранойи. Только приятная, естественная тяжесть в мышцах после хорошо выполненной сложной работы.

Я беру пульт, включаю телевизор и запускаю очередной эпизод любимого сериала. На экране герои ссорятся из-за какой-то забавной бытовой ерунды, а терпкий цитрусовый аромат свечи окончательно растворяет остатки напряжения.

Где-то на другом конце города полиция прямо сейчас стоит в оцеплении, криминалисты изучают три тонкие царапины на ключице влиятельного монстра, а уставший детектив в голубом костюме в ужасе просматривает видео с оставленной мной флешки. А я кутаюсь в теплый плед и тихо смеюсь над шуткой ситкома, делая глоток чая и чувствуя себя абсолютно, кристально нормальной.

Утро встречает меня мягким светом, пробивающимся сквозь плотные льняные шторы. Я открываю глаза и сладко потягиваюсь на шелковых простынях. Восемь часов глубокого, восстанавливающего сна без единого сновидения. Никаких призраков прошлого, никакого чувства вины. Только абсолютная свежесть и готовность к новому дню.

Босиком шлепаю на кухню. Одним касанием оживляю кофемашину, и пространство тут же наполняется густым, горьковатым ароматом свежемолотой арабики. Пока кофе струится в чашку, я взбиваю молоко для латте. Густая, плотная пенка — идеальная пропорция, ни миллиметром больше, ни миллиметром меньше. Я люблю, когда вещи работают так, как задумано.

— Кэт, включи утренний плейлист, — бросаю я в пространство.

Умная колонка послушно отзывается, и квартиру заполняет рок. Я делаю первый глоток латте, прикрывая глаза от удовольствия. Идеально.

Мой телефон, лежащий на мраморном кухонном острове,

внезапно оживает. Экран вспыхивает, вибрация сливается в сплошной, раздражающий гул, нарушая гармонию.

Я неспешно подхожу и смахиваю блокировку. Рабочий чат «Event Management &PR» просто разрывается. Более пятидесяти непрочитанных сообщений за последние десять минут.

Марк (PR-директор): «Кто-то слил инфу журналистам! У входа в отель стоят три фургона с прессой!»

Хлоя (ассистент): «Девочки, полиция опечатала весь верхний этаж. Нас всех вызывают на повторные допросы. Я боюсь туда ехать»

Марк (PR-директор): «Говорят, это не инфаркт. Там криминалисты выносят какие-то коробки. Босс рвет и мечет, у нас уже две отмены брони на закрытые вечеринки в следующем месяце!»

Элика: «Джулия, ты видела новости? Включи 11 канал.»
Я делаю еще один глоток теплого латте. Корица приятно покалывает язык. На экране телевизора в гостиной, который я включаю без звука, действительно мелькает знакомый фасад отеля, желтые полицейские ленты и толпа репортеров с микрофонами. Бегущая строка гласит: «Смерть сенатора Вэйна: загадочные обстоятельства или убийство?»

Они нашли флешку. И они нашли царапины. Замечательно.

Мои пальцы быстро и уверенно порхают по экрану телефона. Я набираю ответ в общий чат. Никаких эмоций, толь-

ко холодный профессионализм.

Джулия Грант: «Коллеги, доброе утро. Отставить панику. Хлоя, выпей кофе, полиции нужны формальности, тебе нечего бояться. Марк, подготовь сухой пресс-релиз о событиях в семье Вэйна, все запросы прессы перенаправляй на стандартный ящик. Никаких личных комментариев журналистам, иначе уволю. Я буду в офисе через сорок минут, проведем бриф.»

Чат мгновенно замолкает. Я улыбаюсь краешком губ. Людям просто нужен кто-то, кто возьмет хаос под контроль. И я делаю это лучше всех.

Отложив телефон, я иду в гардеробную. Сегодня мне понадобится броня. Мой взгляд скользит по идеальным рядам вешалок и останавливается на строгом брючном костюме глубокого, благородного винного оттенка. Под него — черный шелковый топ.

Через полчаса я стою перед зеркалом в прихожей. Волосы собраны в гладкий, безупречный низкий хвост. Макияж легкий, но выразительный: идеальный тон, немного румян, чтобы скрыть “стресс”, и матовая помада. Я выгляжу как успешная, собранная женщина, готовая спасти репутацию своей компании после трагической случайности.

Никто не увидит в этих глазах ту, что ночью держала скальпель.

Я накидываю на плечи легкое пальто, беру ключи от машины и выхожу за дверь, навстречу паникующему городу.

Охотники вышли на след, и мне не терпится посмотреть на их работу вблизи.

Глава 2. Джером

«Хищник, который маскируется под стадо»

Два часа спустя я сижу за своим обшарпанным столом в управлении полиции Рейметауна. Неоновые лампы под потолком гудят, как рой больных пчел, а от третьей чашки дрянного кофе уже сводит желудок.

На столе передо мной стоит тяжелый полицейский ноутбук, отключенный от внутренней сети. Я верчу в пальцах матовую черную флешку, найденную в нагрудном кармане сенатора Вэйна. Она идеально чистая, без единого отпечатка. Убийца не делает ошибок.

Вставив её в порт, я открываю корневую папку. Внутри маниакальный порядок. Никаких хаотично разбросанных файлов. Всё рассортировано: «Теневые счета», «Шантаж Сената», «Загородный дом — видеоархив». Каждая папка снабжена описью. Она не просто палач. Она — чертов педантичный архивариус.

Я открываю один из последних видеофайлов.

На экране появляется тускло освещенный подвал. В кадре Ричард Вэйн. Тот самый лощеный сенатор Оствальда, чьи плакаты висят на каждом перекрестке. Только здесь на нем кожаный фартук. А на стуле перед ним привязана избитая девушка, чьи глаза расширены от точно такого же ужаса, ка-

кой я видел застывшим в мертвых глазах самого Вэйна сегодня утром.

Из динамиков вырывается сдавленный крик, за которым следует влажный звук удара и самодовольный смех сенатора.

Меня тошнит. Я резко бью по клавише пробела, ставя видео на паузу. Сжимаю переносицу двумя пальцами. Я работаю в убойном отделе десять лет, видел разное дерьмо, но такие, как Вэйн, с дорогими адвокатами и идеальным фасадом, всегда вызывали у меня особое омерзение. Закон до них не дотягивается.

А Кошка дотянулась. Она собрала эту грязь, пришла к нему в пентхаус, оставила свои фирменные три царапины и бросила эту флешку мне, словно кость цепному псу, сидящему на коротком поводке закона. И самое страшное — часть меня с ней согласна.

— Эй, Джером! — голос моего напарника, детектива Миллера, вырывает меня из мрачных мыслей. Он плюхается на стул напротив, кидая на стол тонкую папку. — Есть новости от коронера и киберотдела.

— Чем обрадуешь?

— Экспертиза подтвердила. Это не инфаркт. Вэйн был накачан сложным коктейлем из миорелаксантов. Препарат парализовал его, оставив в полном сознании, а затем медленно остановил сердце.

— Время смерти? — я поддаюсь вперед, чувствуя, как внутри просыпается охотничий азарт.

— Вот тут самое интересное, — Миллер усмехается, листая отчет. — Смарт-часы Вэйна зафиксировали полную остановку сердца ровно в 22:18. И у нас есть первый подозреваемый. Киберотдел отследил, что ровно в 22:15 со скрытых счетов Вэйна ушла крупная сумма в криптовалюте на оффшор. Угадай чей?

— Начальника его собственной службы безопасности, — безошибочно предполагаю я.

— В точку. Парень подался в бега час назад. Объявлен план-перехват.

Я откидываюсь на спинку стула, потирая колючую щетину на подбородке.

— Слишком топорно для Кошки. Она никогда не оставляет финансовых следов. Это красная тряпка для быка. Кто-то взломал счета Вэйна, перевел деньги его цепному псу, чтобы мы бросились по ложному следу. Убийца должен был физически находиться в отеле. Кто контролировал мероприятие?

— Агентство премиум-класса. Главный ивент-менеджер некая Джулия Грант, — Миллер достает фотографию с камер наблюдения. На ней девушка с гранатовыми волосами в черном платье. — Но можешь её вычеркивать. У неё железобетонное алиби.

— Насколько железобетонное?

— Стопроцентное. В 22:18, в момент смерти Вэйна, мисс Грант стояла на сцене в бальном зале и произносила речь. Это зафиксировано на видео с трех разных ракурсов, и у нее

сотня свидетелей. К тому же, она физически не смогла бы проскользнуть мимо охраны Вэйна незамеченной.

Я забираю у него фотографию. Девушка на снимке держится с идеальной осанкой, контролируя зал одним жестом. Алиби не просто прочное — оно идеальное. Она вне подозрений.

Но мой мозг уже цепляется за другую мысль.

Вэйн находился в самом защищенном пентхаусе Юнигенса. Убийца прошел через многоуровневую систему безопасности, мимо камер, охраны и металлодетекторов, словно призрак. Полицейские протоколы здесь бессильны. Чтобы понять, как взломать этот лабиринт, мне нужно думать не как коп. Мне нужно думать как тот, кто этот лабиринт построил.

— Она нам не подозреваемая, Миллер, — медленно произношу я, поднимаясь и снимая с вешалки голубой пиджак. — Она наш единственный ключ.

— Ключ к чему? — не понимает напарник.

— К пониманию системы. Джулия Грант знает, как работает логистика элитных мероприятий. Она знает каждую слепую зону, каждый график смены охраны, каждый способ пронести в здание то, что проносить нельзя. Если я хочу понять, как Кошка обошла безопасность, мне нужно, чтобы мисс Грант посмотрела на это дело своим профессиональным взглядом.

— Хочешь привлечь её как консультанта? — Миллер при-

свистывает. — Начальство не одобрит гражданских в деле Кошки.

— Плевать на начальство, — я поправляю кобуру на поясе и застегиваю пиджак. — Я еду к ней в агентство. У меня есть пара теоретических вопросов о том, как убить сенатора и выйти через парадную дверь. Посмотрим, что скажет эксперт.

Офис «Event Management & PR» находится в финансовом сердце Рейметауна — там, где небоскребы царапают свинцовое небо шпилями из тонированного стекла. Я паркую свой старый форд между матовыми «Майбахами» и шагаю в вестибюль, выложенный белым мрамором. Мой потертый пиджак и тяжелые ботинки смотрятся здесь как грязное пятно на стерильном столе хирурга. Идеальная тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом кондиционеров и стуком каблучков.

— Детектив Джером, убойный отдел, — я с глухим стуком кладу жетон на стойку ресепшена из цельного куска оникса. — Мне нужна мисс Грант.

Секретарь, молодой парень в костюме, который стоит больше, чем моя годовая зарплата, даже не моргает. Вышколенный персонал.

— Сожалею, детектив. Мисс Грант сейчас нет в офисе.

— Значит, свяжитесь с ней по рации, голубиной почтой или телепатией, и передайте, что полиция хочет проконсуль-

тироваться. Это займет пятнадцать минут.

— Боюсь, это абсолютно невозможно, — парень вежливо, но непреклонно улыбается, демонстрируя идеальные виниры. — Мисс Грант на объекте. Сегодня вечером наше агентство проводит закрытый благотворительный маскарад в галерее искусств. Она лично контролирует монтаж декораций, свет и кейтеринг. Её личный телефон отключен, а по рабочей связи она принимает только экстренные доклады от координаторов. Если хотите, я могу записать вас на прием в четверг во второй половине дня...

Я шумно выдыхаю сквозь зубы и забираю жетон. Четверг меня не устраивает. Кошка уже замечает следы, каждая минута делает её тень всё более призрачной.

Мой взгляд падает на глянцевый флаер, лежащий на стойке у букета белых лилий. Глубокий винный фон, золотые буквы, изящная черная маска. «Закрытый маскарад. Вход строго по приглашительным».

— Во сколько начало? — спрашиваю я, сдвинув брови.

— Сбор гостей в восемь, детектив. Но, как я уже сказал, вход строго по спискам...

— Для полиции нет закрытых дверей, — бросаю я, разворачиваясь и направляясь к выходу. — Передайте боссу, что я загляну на огонек.

Я стягиваю рабочую одежду, надеваю черную рубашку, расстегиваю верхнюю пуговицу, галстук будет лишним. На-

кидываю светло-голубой пиджак. В сочетании с кобурой под мышкой видок получается весьма специфический. Не лощеный принц из сказки, но и не патрульный с окраины. Хищник, который маскируется под стадо.

— Ты редко надеваешь этот костюм.

Мягкий голос раздается из-за спины. Я оборачиваюсь. В дверном проеме ванной стоит Клара. На ней моя растянутая серая футболка, босые ноги зябко переступают по холодному кафелю. В руках — дымящаяся кружка с ромашковым чаем. От нее пахнет домом, спокойствием и сладкой ванилью. Тем самым «нормальным» миром, который я поклялся защищать, но в котором сам давно разучился жить.

Мы вместе уже полгода. Она ландшафтный дизайнер. Добрая, милая, искренняя. И я её не люблю.

Это звучит паршиво, я знаю. Каждый раз, глядя на неё, я чувствую лишь глухую, давящую вину. Она привлекательна, она искренне заботится обо мне, терпит мои ночные смены, запах дешевого кофе и молчаливые приступы мрачности. По всем законам логики я должен держаться за неё обеими руками, строить планы на будущее. Но внутри лишь звенящая пустота. Рядом с ней я чувствую себя мертвым. Как будто просто отыгрываю роль хорошего парня, монотонно читая текст по чужому суфлеру.

— По работе, — коротко отвечаю я, проверяя обойму табельного. С щелчком загоняю магазин в рукоять. — Нужно выпепить одного важного свидетеля на светском рауте.

Клара подходит ближе. Ставит кружку на край раковины и привычно, по-домашнему одергивает лацканы моего пиджака. Её теплые пальцы случайно задевают холодную кожу кобуры. Она слегка вздрагивает, прячет взгляд, но делает вид, что ничего не заметила. Она всегда делает вид, что моей тьмы не существует.

— Опять дело Кошки? — тихо спрашивает она, заглядывая мне в глаза. В её взгляде отчаянная надежда на то, что когда-нибудь этот кошмар закончится, мы уедем в отпуск и станем обычной, скучной парой.

— Сенатор Вэйн, — уклончиво отвечаю я, избегая смотреть на её светлые волосы. — Слишком много шума в прессе. Начальство требует результатов еще вчера.

Она тяжело вздыхает и поднимается на носочки, чтобы поцеловать меня. Её губы мягкие, податливые. Я отвечаю на поцелуй, дежурно обнимая её за талию, но мой пульс даже не думает ускоряться. Никакой искры. Никакого голода. Сплошной ровный серый пепел. Я отстраняюсь первым.

— Обещай, что приедешь ко мне на квартиру, когда закончишь, — просит она, поправляя мне воротник рубашки.

— Постараюсь, Клар. Ложись спать, не жди меня.

Я беру со столика в прихожей ключи от старого «Форда». Хлопок входной двери отрезает меня от запаха ванили и уютной предсказуемости нашей фальшивой идиллии. Я выдыхаю с таким облегчением, словно мне наконец-то ослабили удавку на шее.

В кабине лифта я кладу руку на грудь, туда, где во внутреннем кармане пиджака, прямо у сердца, лежит матовая черная флешка убийцы. Вот от чего моя кровь по-настоящему начинает бежать быстрее. От мрака. От риска. От извращенного, смертельного интеллекта, с которым мне предстоит столкнуться.

Я бросаю взгляд на наручные часы. Половина восьмого. Охотник идет на бал.

Глава 3. Джулия

«Кошка всегда уходит первой. И всегда — на своих условиях»

Запах свежей краски, дорогих лилий и озона от работающих на полную мощность кондиционеров — так пахнет предвкушение.

Галерея искусств напоминает растревоженный улей, который я методично, шаг за шагом, привожу к идеальному геометрическому порядку. Высокие белые своды отражают эхо шагов десятков рабочих. До открытия закрытого благотворительного маскарада остается меньше часа.

— Сдвиньте эту цветочную инсталляцию на два градуса левее, — я указываю тонкой указкой на массивную арку из черных роз и кроваво-красных амарантов. — Она перекрывает свет от софита, картина в центре теряет объем.

Декораторы беспрекословно повинуются. Я сверяюсь с планшетом. Кейтеринг развернут, лед для шампанского нужной температуры, струнный квартет уже настраивает инструменты на балконе. Идеально.

Сегодняшний день выдался безумным. С самого утра Рей-метаун лихорадит от новостей о смерти сенатора Вэйна. Мой PR-отдел выпустил безупречный, сухой пресс-релиз, выражающий глубочайшие соболезнования, полиция в очеред-

ной раз перевернула отель вверх дном, а акции компании Вэйна рухнули на девять процентов. Но здесь, в этих белых стенах, царит абсолютный вакуум. Элита Юнигенса не отменяет свои вечеринки из-за смерти одного из своих. Наоборот, сегодня они будут пить еще больше, возбужденные близостью чужой смерти и собственной неприкосновенностью.

Я передаю планшет подошедшей сотруднице.

— Зал готов. Я иду переодеваться. Контролируй зону VIP-входа, пока я не спущусь.

Она кивает, поправляя микрофон гарнитуры, а я направляюсь в служебные помещения.

Моя примерка скрыта от посторонних глаз. Я закрываю дверь, отсекая шум готовящегося зала, и подхожу к высокому зеркалу. Трансформация — это не просто смена одежды. Это смена кожи.

Строгий дневной костюм летит на кресло. Вместо него я надеваю длинное черное платье. Тонкая, струящаяся ткань плотно облегает фигуру, а глубокий вырез на спине оставляет кожу абсолютно открытой — уязвимость, которая на самом деле является моей броней. Я распускаю волосы. Тяжелые гранатово-красные волны падают на плечи, создавая яркий контраст с черным шелком.

Последний штрих лежит на туалетном столике. Черная кружевная маска. Замысловатый узор, который скроет половину моего лица, оставив лишь глаза. Я прикладываю её к коже, закрепляя тонкие ленты на затылке.

Взгляд зеленых глаз в зеркале становится чужим. Загадочным. Опасным. Ивент-менеджер Джулия Грант исчезает, уступая место хозяйке этого бала. Мы все носим маски в этом городе, просто сегодня моя — физически осязаема.

Когда я выхожу в зал, двери галереи уже открыты.

Пространство стремительно заполняется шелестом дорогих тканей, вспышками бриллиантов и фальшивым смехом. Лица гостей скрыты за перьями, золотом и бархатом, но я узнаю их по походке, по манере держать бокал, по тому, как они высокомерно цедят слова. Они обсуждают Вэйна. Шепчутся о тайных счетах и любовницах, наслаждаясь скандалом, словно изысканным десертом. Лицемеры. Если бы они знали, что та, кто перерезал нить его жизни, прямо сейчас следит за тем, чтобы их бокалы не пустели, они бы подавились своими устрицами.

Я занимаю свою любимую позицию — у огромного панорамного окна, задрапированного полупрозрачной тканью, за которой мерцает стена из теплых золотистых гирлянд. Отсюда мне виден весь зал, как на ладони. Моя идеальная шахматная доска.

Официанты лавируют между гостями, струнный квартет начинает играть тягучую, современную интерпретацию композиции. Всё работает, как часы.

Мой взгляд лениво скользит по толпе. Дорогие смокинги, фраки, дизайнерские платья. Черный, белый, золото, бордо. Идеальная цветовая гамма, которую я лично прописывала в

дресс-коде пригласительных.

И вдруг система дает сбой.

Взгляд цепляется за фигуру у входа, которая ломает всю мою выверенную эстетику.

Высокий мужчина. Никакой маски. Светло-голубой костюм, который кричит о своей неуместности в этом море черного бархата, и темная рубашка без галстука. Легкая, колючая щетина. Но дело даже не в одежде. Дело в том, как он стоит.

Это не гость. Гости расслаблены, они ищут знакомых, тянутся к бару или к картинам. А этот сканирует помещение. Его взгляд, тяжелый, цепкий, холодный, скользит по толпе, препарируя её. Охотник, зашедший на чужую территорию.

Я чувствую, как по позвоночнику пробегает легкий, обжигающий холодок. Тот самый адреналин, который я испытываю только тогда, когда в моих руках блестит сталь.

Охранник на входе пытается преградить ему путь, что-то вежливо объясняя про списки, но мужчина просто достает из внутреннего кармана голубого пиджака металлический жетон и демонстрирует его секьюрити. Охранник отступает, растерянно касаясь наушника.

Полиция.

Он пришел не за искусством и не за шампанским. Он пришел за мной.

Я чуть поворачиваю голову, чтобы свет от гирлянд не падал на мое лицо, оставаясь в полумраке у окна. Наши взгля-

ды еще не пересеклись, но я уже чувствую гравитацию этого момента. Идеальный порядок нарушен. Игра переходит на новый уровень.

Я делаю глоток шампанского, чувствуя, как губы под кружевной маской сами собой растягиваются в предвкушающей улыбке. Добро пожаловать в мой мир, детектив.

Детектив в голубом костюме медленно входит в зал, и я физически чувствую, как пространство вокруг него сжимается. Он — чужеродный элемент, грязное пятно на моем безупречном холсте. Гости, скрытые масками, инстинктивно расступаются, чувствуя его хищную ауру. Я вижу, как напрягается Элика у VIP-входа. Слишком заметно, Элика. Нельзя выдавать беспокойство.

Я заставляю себя не отводить взгляд. Охотник ищет свою цель, а цель — это я. Но сейчас я — Джулия Грант, королева этого бала, а он всего лишь заблудший пес на светском рауте. И я не позволю ему испортить мое шоу.

Я делаю глубокий вдох, считая до четырех. Адреналин отпускает, уступая место ледяной сосредоточенности. Трансформация завершена. Я отрываюсь от панорамного окна и плавным, скользящим движением вливаюсь в толпу.

Моя первая задача — перехватить его до того, как он начнет задавать вопросы гостям или, что еще хуже, потащит за рукав Элику. Я должна контролировать территорию.

Официанты, словно дрессированные танцоры, лавируют между гостями. Кейтеринг работает идеально. Я прохожу

мимо барной стойки, где бармен жонглирует бутылками, создавая коктейли под цвет картин. Критическим взглядом окидываю ледяную скульптуру Кошки в центре зала — каламбур, который сегодня кажется мне особенно изысканным. Всё безупречно. Порядок восстановлен.

Я выхожу на траекторию его движения. Он стоит у одной из картин, делая вид, что изучает мазки художника, но его взгляд, тяжелый, сканирующий, направлен поверх полотна, прямо на Элику. О, детектив, ты так предсказуем. Ты ищешь самую слабую фигуру на доске.

Но сегодня твоя очередь играть со мной.

Я подхожу к нему сзади. Глубокий вырез на моей спине оставляет кожу уязвимой, и я чувствую, как его взгляд, почувыв мое присутствие, скользит по ней. Это не вожеление, нет. Это оценка. Профессиональный интерес к тому, что скрыто под одеждой.

— Кажется, детектив, вы ошиблись дверью. Маскарад для элиты Юнигенса в другом конце Рейметауна, — мой голос звучит мягко, с легкой, дразнящей хрипотцой. В нем нет страха. Только вежливое, но твердое замечание хозяйки вечера.

Он медленно оборачивается. Свет от софитов галереи падает на его лицо, выхватывая легкую щетину и темные, усталые глаза. Взгляд хищника, который привык видеть грязь под самым безупречным фасадом. Он сканирует меня. Мою гранатово-красную прическу, черное платье, кружев-

ную маску.

Я стою прямо. Я — Джулия Грант. И этот зал — моя территория.

— А я думал, что «Кошка» это всего лишь легенда прессы, — он улыбается, но эта улыбка не доходит до глаз. В ней вызов. В ней звяканье стали о сталь. — Детектив Джером, убойный отдел. И я ищу... вас.

Двойной смысл его слов повисает в воздухе, смешиваясь с тягучей музыкой Вивальди. Он ищет Кошку. И он нашел её. Но он смотрит в глаза Джулии Грант. И в этих глазах он видит лишь отражение своей собственной тьмы.

Я делаю шаг вперед, сокращая дистанцию. Я чувствую запах его дешевого кофе и оружейного масла, смешанный с запахом моего дорогого парфюма. Опасный коктейль.

Игра переходит на новый уровень.

Я делаю шаг вперед, сокращая дистанцию. Я чувствую запах его дешевого кофе и оружейного масла, смешанный с ароматом моего парфюма. Опасный коктейль.

Я улыбаюсь краешком губ под кружевной маской. Добро пожаловать в мой лабиринт, детектив.

Но прежде чем я успеваю произнести хоть слово, идеальную, отточенную фразу, которая собьет его с толку, мой наушник оживает резким статическим треском.

— Джулия. Левое крыло, сектор VIP. Жена мэра сцепилась с любовницей вице-губернатора, — голос Элики звучит сухо, но я слышу в нем звенящее напряжение. — Охрана

не может применять силу, там пресса. Если ты не появишься через тридцать секунд, они вцепятся друг другу в волосы прямо под камерами.

Я мысленно чертыхаюсь. Хаос всегда находит лазейку.

Я не свожу глаз с Джерома. Он улавливает перемену в моем лице — микроскопическое напряжение скул, которое я не смогла скрыть. Его брови едва заметно ползут вверх.

— Похоже, искусство требует жертв, детектив, — я плавно отступаю на полшага назад, разрывая наше личное пространство. — Прошу прощения, но долг зовет. Наслаждайтесь вечером. Шампанское сегодня исключительно удачное.

— Мы не закончили, мисс Грант, — его голос звучит ровно, но в нем лязгает сталь.

— В этом здании я решаю, когда всё закончено, — бросаю я через плечо и, не дожидаясь ответа, растворяюсь в толпе, направляясь к левому крылу.

Следующие три часа превращаются в изящную, но изматывающую игру в кошки-мышки.

Я тушу пожары. Успокаиваю истеричных жен, координирую вынос горячего, слежу за таймингом выступления артистов. Но спиной, затылком, каждым открытым миллиметром кожи на спине я чувствую его взгляд.

Джером не пьет. Не ест. Он перемещается по периметру зала, словно темный, хищный призрак. Где бы я ни оказалась, у барной стойки, в центре зала или на балконе для прессы, стоит мне повернуть голову, и я натыкаюсь на его тяже-

лые, голубые глаза. Он наблюдает за тем, как я работаю. Изучает, как я общаюсь с охраной, как отдаю приказы, как перемещаюсь по слепым зонам камер наблюдения, сама того не замечая (или делая вид, что не замечаю).

Это будоражит. Обычно я та, кто прячется в тени и наблюдает за жертвой. Быть под прицелом умного, опасного мужчины, совершенно новый, пьянящий уровень адреналина.

Ближе к полуночи маскарад достигает своего апогея. Струнный квартет сменяется модным диджеем, свет приглушается, с потолка начинают медленно опускаться сотни черных и золотых воздушных шаров. Гости сливаются в единую, танцующую массу.

Моя работа на сегодня окончена. Зал переведен в режим автономного веселья, Элика контролирует раздачу подарков на выходе.

Я стою у подножия мраморной лестницы, ведущей на балкон. Накидываю на плечи легкое кашемировое пальто поверх платья.

Джером замечает мое движение. Он стоит у противоположной стены, метрах в тридцати от меня. Толпа разделяет нас бурлящей рекой. Он отталкивается плечом от колонны и делает шаг в мою сторону, намереваясь наконец-то закончить наш прерванный разговор.

Я останавливаюсь. Наши взгляды встречаются в последний раз за этот вечер, прошивая толпу насквозь.

В его глазах решимость. В моих — насмешка.

Я медленно, театрально подношу два пальца в черной перчатке к губам и посылаю ему почти невидимый воздушный поцелуй. А затем делаю шаг назад, прямо за тяжелую бархатную портьеру технического коридора, куда нет входа никому, кроме персонала.

Когда портьера падает на место, отрезая меня от музыки и света, я почти физически ощущаю его глухое раздражение там, в зале. Он дойдет до этой точки через полминуты, но найдет лишь запертую дверь с магнитным замком.

Кошка всегда уходит первой. И всегда на своих условиях.

Глава 4. Джулия

«Монстр, спящий рядом с тобой, опасен лишь тогда, когда идеально имитирует человека»

Мир за пределами этих бетонных стен перестал существовать три часа назад.

Здесь нет ни шелка, ни джаза, ни запаха дорогих лилий. Только сырость подвального помещения на окраине промышленного сектора Рейметауна, гудение старой люминесцентной лампы и резкий, бьющий в нос запах антисептика.

Я больше не Джулия Грант в вечернем платье. На мне серый рабочий комбинезон, волосы спрятаны под тугую шапочку, а на руках тонкие нитриловые перчатки. Маска маскарада сменилась пластиковым щитком, защищающим лицо.

Мужчина, привязанный к стальному стулу в центре круга света, наконец приходит в себя. Это мистер Холмс — «благодетель» из совета директоров порта Юнигенса. По бумагам он занимается логистикой. В реальности он владеет сетью «передержек» для живого товара, приходящего из портов.

Я наблюдаю, как его веки дрожат, а затем резко распахиваются. Он пытается дернуться, но фиксаторы на запястьях и лодыжках держат намертво. Он пытается закричать, но кляп во рту превращает крик в жалкое, захлебывающееся мыча-

ние.

— Доброй ночи, Артур, — я выхожу из тени, держа в руках небольшой чемоданчик. — Нам предстоит долгий разговор. Хотя говорить в основном буду я.

Я раскладываю свои инструменты на передвижном столике. Они сверкают под лампой — холодные, стерильные, совершенные. Кому-то я дарю тишину, как сенатору Вэйну. Но такие, как Холмс, тишины не заслуживают. Они заслуживают осознания каждой секунды своего конца.

— Ты думал, что спрятался за спинами купленной полиции? — я выбираю небольшой, изогнутый зажим. — Думал, что те девушки, которых ты запер в контейнерах без воды, просто цифры в твоих отчетах?

Я подхожу ближе. В его глазах не просто страх, а первобытный ужас. Он узнает меня. Не ивент-менеджера. Он видит ту, чьими царапинами помечены его кошмары.

— Ты любишь власть, Артур. Любишь чувствовать, как под твоими руками ломаются жизни. Теперь мы поменяемся ролями.

Я не бью его. Грубая сила для дилетантов. Я действую точно.

Первый надрез — неглубокий, на бедре. Я не задеваю артерию, мне не нужно, чтобы он истек кровью слишком быстро. Мне нужно, чтобы его нервная система превратилась в оголенный провод. Я использую технику, которой научилась, изучая архивы одного очень талантливого, но глубоко пороч-

ного хирурга — Джеймса. Он знал толк в боли, которая не убивает, а заставляет молить о смерти.

Холмс выгибается в кресле, его мычание переходит в ультразвуковой хрип. Пот градом катится по его лицу, смешиваясь со слезами.

— Это только начало, — шепчу я, поднося к его лицу планшет. На экране список имен и адреса складов, которые он так тщательно скрывал. — Мне нужны пароли от крипто-кошельков. И мне нужны имена твоих покровителей в Сенате Оствальда. С каждой минутой твоего молчания я буду снимать по одному слою твоей уверенности. В буквальном смысле.

Я перехожу к плечу. Мои движения уверенны и быстры. Я чувствую, как под лезвием подается плоть. Это не вызывает у меня удовольствия, нет. Только глубокое, мрачное удовлетворение от того, что справедливость наконец-то восстановила свой баланс.

Проходит час. Или два. Время здесь течет иначе, оно измеряется литрами пота и ритмом судорог моего пациента. Холмс сдается на третьем этапе. Его глаза остекленели, он кивает, соглашаясь на всё, лишь бы это прекратилось.

Я вытаскиваю кляп. Он хрипит пароли, захлебываясь собственными слюнями и рыданиями. Я методично ввожу данные в ноутбук. Перевод завершен. Миллионы, заработанные на крови, уходят в фонды помощи жертвам насилия. Анонимно. Без лишнего шума.

— Ты... ты обещала... — шепчет он, когда я снова беру в руки скальпель.

— Я обещала, что боль прекратится, Артур. Я не обещала, что ты уйдешь отсюда.

Я подхожу к нему вплотную. Его сердце колотится так сильно, что кажется, оно сейчас выпрыгнет из грудной клетки. Я прикладываю ладонь к его ключице.

— Ты мусор, который я обязана убрать. После аплодисментов всегда наступает тишина. И твоя тишина будет вечной.

Одним точным, глубоким движением я перерезаю сонную артерию. Кровь не брызжет, ведь я контролирую угол. Она стекает ровной струей в заранее подготовленный желоб. Чистота. Порядок.

Пока его жизнь угасает, я делаю последний штрих. Три идеальные, параллельные царапины на его ключице. Моя печать. Мое правосудие.

Через сорок минут подвал идеально вычищен. Ни единой улики, ни единого волоска. Тело будет найдено завтра вместе с папкой доказательств, которая навсегда похоронит репутацию порта Рейметауна.

Я выхожу на улицу. Холодный ночной воздух Оствальда наполняет легкие. Я снимаю комбинезон, под которым на мне обычные джинсы и худи, и запихиваю его в сумку с реагентами для уничтожения ДНК.

В кармане вибрирует телефон. Сообщение от Джерома.

«Мисс Грант, вы виртуозно исчезаете. Но я не привык проигрывать. Буду у вас в офисе завтра в девять утра. Надеюсь, на этот раз маски нам не понадобятся».

Я смотрю на экран, чувствуя, как на губах расцветает улыбка. О, детектив, ты даже не представляешь, что самая страшная маска — это та, которую ты принимаешь за мое настоящее лицо.

Я сажусь в машину и завожу мотор.

— Выключи эту унылую патоку, — бросаю я в тишину салона, обрывая случайный джазовый трек из рекомендаций. — Врубай мой основной плейлист.

Салон мгновенно заполняют тяжелые, грязные гитарные риффы и надрывный вокал. Рок бьет по барабанным перепонкам, выбивая из головы последние остатки подвальной сырости и предсмертных хрипов Холмса. Музыка пульсирует в венах, выжигая холод и возвращая меня к жизни. Басы вибрируют в руле, пока я выруливаю с промзоны на залитые неоном улицы Рейметауна.

Я не еду к себе. Машина привычно сворачивает в благополучный спальный район, где окна высоток уже темные, а на тротуарах царит идеальный порядок.

Квартира Тео встречает меня запахом свежемолотого кофе, который он пил вечером, и едва уловимым ароматом масляных красок. Тео — графический дизайнер. И мой парень. Для всех вокруг мы живое воплощение идеальной современной пары: успешная, вечно занятая ивент-менеджер

и творческий, глубокий парень со свободным графиком.

Я тихо поворачиваю ключ в замке и проскальзываю в прихожую. Скидываю кроссовки и худи, оставаясь в тонкой черной майке.

В спальне горит тусклый ночник. Тео спит, разметавшись на смятых простынях, одна рука свешивается с края кровати. Я останавливаюсь в дверях, глядя на его грудную клетку, которая мерно вздымается в такт спокойному дыханию.

Он хороший. Добрый, эмпатичный, безопасный. Он знает о моем прошлом ровно столько, сколько я позволила ему узнать: что были темные времена, что были люди, которые ломали меня, пока я не научилась выживать. Он видел мои старые шрамы. И с тех пор относится ко мне как к фарфоровой кукле, склеенной из хрупких осколков.

Если бы он только знал, что фарфор давно превратился в бронебойное стекло. Что девушка, которую он так трепетно обнимает по ночам, час назад смотрела, как из человека вытекает жизнь, и не чувствовала ничего, кроме абсолютного контроля.

Я иду в ванную. Встаю под обжигающе горячий душ, маниакально оттирая кожу мочалкой с гелем без запаха, хотя на мне нет ни капли чужой ДНК. Вода смывает остатки напряжения, растворяя в стоке мою темную половину.

Когда я забираюсь под одеяло, Тео сквозь сон инстинктивно тянется ко мне. Его большая, теплая ладонь ложится мне на талию, притягивая ближе к своей груди.

— Ты поздно, — бормочет он хриплым со сна голосом, утыкаясь носом мне в макушку. — Мероприятие затянулось?

— Да, — ровно и привычно лгу я, закрывая глаза. — Пришлось улаживать конфликт между гостями. Ничего серьезного, просто много нервов.

— Ммм... Бедная моя. Спи.

Его пальцы нежно, почти невесомо поглаживают мой живот — как раз там, где старый, рваный шрам пересекает кожу. Жест, призванный успокоить меня, защитить от призраков прошлого, которые, как он думает, все еще преследуют меня по ночам.

Я лежу в кольце его рук, слушаю его ровное сердцебиение и смотрю в темноту комнаты. Рядом с ним тепло и уютно. Он мой якорь в нормальность, моя идеальная маскировка под обычного человека, способного на светлую привязанность и любовь.

Но почему-то в этот момент, в идеальной тишине безопасной спальни, перед глазами всплывает не заботливое лицо Тео. Я вспоминаю тяжелый, сканирующий взгляд Джерома на маскараде и лязг его слов: «*Я ищу вас*». Я прижимаюсь к парню теснее, заставляя себя расслабиться и закрыть глаза. Завтра в девять утра в моем офисе начнется настоящая игра. И мне нужно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.